

Кадис:

белый город в горсти океана

Текст и фото: Марина и Владимир Абашевы

К северу от Кадиса, не далее чем в двух часах, начинаются пляжи и гроты португальского побережья Альгарве, к югу рукой подать до Тарифы и Гибралтара, а там и африканские берега – Танжер, Сеута. Город вечной южной сиесты, Кадис купается в теплых волнах Атлантики, валяется на бесконечных пляжах белого песка, следит, как солнце уходит за океан. И вспоминают о Кадисе с прощальной нежностью. «Белый как бутон океанской пены, белый как невеста под венком из флёрдоранжа», – это Мэри Лоуэлл, американка. И совсем неожиданно у Хосе Марии Пемана, коренного гадитанца: «Senorita del Mar, Novia del Aire», – дева моря, невеста ветра. Вот он какой Кадис.

ГОРОД приютился на южной оконечности излучины кадисского залива. Тут берег материка проклевывается к северу стеблем узкой косы и прорастает вдоль берега километров на десять в океан, завершаясь бутоном города. Можно сравнить и с чупа-чупсом – бомбошкой на палочке. Похоже. Между длинной кадисской косой и берегом тянется цепь укромных бухт – рай для мореходов.

Едешь к городу по длинной косе, справа – океан, слева – залив. Потом начинается новый город. Он поначалу не радует. Океан скрывается за стенами каких-то совсем обычных корпусов. Но вот стены расходятся, снова вспыхивает лазурная гладь океана, открывается полукруг площади с пальмами и впереди вырастают приземистые стены форта с боевыми башнями на углах. Между центральными башнями – арочный проем ворот Пуэрта де ла Тьерра. За воротами Кадис. Старый город. Тот самый – Senorita del Mar, Novia del Aire.

Пуэрта де ла Тьерра – ворота земли. Это формула Испании. Здесь города растут из земли, из той, что под ногами. Авила – из гранитных глыб плоскогорья Сьерры де Градена, Саламанка – из розово-золотого песчаника каменоломен Вильямайор. Кадис – вырос из океана, из массивов опавших миллионами лет раковин. Они образовали платформу полуострова, на которую оперся город. Здесь из ракушечника все – стены фортов, дома, церкви, собор. Ракушечник штукатурят, белят, иногда шлифуют, но всегда оставляют дикую фактуру камня: штукатурят периметр ракушечного блока или плиты, рустуют швы, но центр блока оставляют как есть.

РАКУШЕЧНИК – камень особенный. Он живой: пещеристый, ячеистый, ноздреватый как ломоть черствого хлеба, золотисто теплый, охряной, серо-желтый или цвета арахисовой халвы. Ракушечник вдыхает порывы бриза и выдыхает пары йода. И в этом особый шарм города: его узнаешь наощупь, помнишь по запаху.

Кадис старейший город в Европе. Древнее Рима. Без всяких выдумок и сомнительных археологических находок, подгадавших прямо к назначенному властями юбилею. Вездесущие финикийские мореходы облюбовали здешние гавани и основали город за тысячу с лишним лет до рождения Христа. Они назвали город Гадирой и поставили храм своему грозному богу Мелькарту. Греки знали его как Геракла и верили, что здесь, на краю ойкумены, Геракл поставил столбы.

Путешественники писали, что в храме Мелькарта стояли какие-то бронзовые колонны. Миф, конечно. Но что за город без мифа? На гербе Кадиса – Геракл между колоннами. **ФИНИКИЙЦЕВ** сменили карфагеняне. В храме Геракла перед походом на Рим приносил жертвы Ганнибал. Потом надолго пришли римляне, и Гадира стала многолюдным Гадесом. Теперь в храме Геракла жертвы богам принес молодой Юлий Цезарь, мечтавший о славе Александра Македонского. За рим-

лянами пришли вестготы, за ними на несколько столетий – арабы, и только в XIII веке город стал окончательно испанским Кадисом.

От такой древности захватило бы дух. Но никаких ее примет в Кадисе нет. Да, рядом с собором откопали римский амфитеатр. Ничего амфитеатра, но в других городах Испании и Италии найдутся десятки более внушительных. Откопали два замечательно сохранившихся финикийских саркофага времен Платона. Они выставлены в здешнем музее. Вот и все. Да и вообще достопримечательностей в Кадисе не наблюдается, все новое, в большинстве своем строения не старше XVIII века.

И нет в этом ничего удивительного. Кадис – и баловень, и жертва своего положения. По расположению морских коммуникаций, этих невидимых троп цивилизации, которые веками торились народами Средиземноморья, Кадис

оказался на перекрестке, в каком-то пространственном узле, куда как магнитом стягивало пути. Ключ к морю, ключ к Испании, ключ к Гибралтару. Самый морской, морем возвращенный, с морем в связке и спайке живущий город Испании. Поэтому Кадис богател, поэтому Кадис грабили, поэтому за Кадис воевали. И как еще воевали и грабили!

Более других постарались англичане. Легендарный корсар ее величества Френсис Дрейк в 1587 году с ватагой своих морских волков неожиданно обрушился на порт Кадиса, захватил громадную добычу и спалил 30 испанских судов. Тем самым он почти на год оттянул поход Великой Армады на Англию. Не прошло и десяти лет как англичане под началом фаворита стареющей Елизаветы честолюбивого красавца Роберта Деверне, графа Эссекса, вновь атаковали Кадис, уничтожили флот, сожгли и подчистую разграбили город. Потери были та-

ковы, что испанское правительство вынуждено было заявить о своем банкротстве.

Приложили руку и французы. Больше двух лет гаубицы наполеоновского маршала Виктора расстреливали город через залив. Благо суши Кадис был неприступен, а на море господствовали англичане, на этот раз ставшие союзниками испанцев. Через два года осаду сняли, корпус Виктора перебросили в Россию, но город был основательно поврежден.

ЧТО ЖЕ КАДИС? Во время наполеоновской осады он жил самой кипучей жизнью. Население выросло вдвое за счет беженцев и эмигрантов, с моря шли непрерывные поставки товаров, процветала контрабанда, открывались десятки кофеен и кипели политические страсти. Со всех концов оккупированной французами Испании в свободный Кадис съехались депутаты кортесов. Они обсуждали принципы первой

европейской конституции, которая и была провозглашена в 1812 году под гром наполеоновских гаубиц и радостные крики тысячной толпы, собравшейся на площади Сан-Антонио.

Словом, этому городу было не до достопримечательностей. Надо сказать, что и знаменитостей отсюда вышло раз-два и обчелся. Кадис – моряк, контрабандист, торговец, рыбак. Жизнь его тесно переплелась с морем, торговлей и войной, а не искусством. Город веками жил слишком опасной жизнью, его разрушали и восстанавливали. Кадис все время перестраивался, но во всех перестройках сохранял геометрию пространства, рисунок улиц, подчиненный розе ветров, – увертываясь от продувных сквозняков, город заплел свои улицы в прихотливый узор.

Из заметных строений тут есть громадный кафедральный собор. Правда, знаменит он не столько архитектурой, сколько тем, что строили его сотню с лишним лет с перерывами на войны и сопутству-

ющее им безденежье. Начали в 1722 году в эпоху барокко, а открыли в 1838-м, когда господствовал классицизм. Шедевр долгостроя. Даже и сейчас его все время реставрируют. Зато у стен собора всегда многолюдно. Тут кипит андалузская ярмарка. Продаются всякий замечательный хэнд-мэйд, тут же готовят замысловатые восточные сладости, а на ступенях собора танцуют арабские танцы юная гадитанка. Жителей Гадеса в Римской империи называли гадитанцами. Танцовщицы отсюда славились по всей империи.

ЕДУТ В КАДИС не за достопримечательностями. Здесь лучшие пляжи Испании. Они широки, местами до двухсот метров, девственно чисты, немногочисленны и тянутся километрами от Кадиса до Чикланы и Санкти-Петри, а оттуда ступай хоть до Тарифы. Белый с каплей какао, мельчайший, почти в пудру перетертый морем песок искрится кристалликами кварца, он вылизан и укатан приливами и отливами, стелется бесконечно лентой. Безукоризненно чистая вода тепла и лазурна.

Есть какая-то магия в прибрежной полосе, она уходит вдаль и тает в голубой дымке. Тут есть местный ритуал пляжного отдыха. Если выйти пораньше на кромку моря, то, повинувшись кому-то инстинкту, неизбежно пойдешь вдоль океана. И тут же заметишь, что стал частичей потока. Навстречу тебе идут медленно, с отрешенными лицами, десятки человек и за тобой тоже десятки. Одни к Чиклане, другие – к Кадису. Это какое-то ритуальное действие, шествие в духе видеосталляций Билла Виолы. Чувство отрешенности и растворения. Так бы и шел до Тарифы.

Это пляжный Кадис. Новый город. Он вытянулся вдоль шоссе и песчаной косы – это фешенебельные отели, выходящие на многокилометровую песчаную ленту пляжа.

Другой Кадис, куда ты уходишь после сиесты, начинается сразу за Пуэрта де ла Тьера – земляными воротами. Там толчея улиц, улочек, переулков. Старый город. Это и есть живой Кадис, такой, каким он окончательно отстроился к концу XVIII

века, когда войны и осады прекратились. Улицы Кадиса образуют тесную паутину, но заблудиться невозможно. Куда ни пойдешь, минут через 15-20 выйдешь к океану – он вокруг.

СТАРЫЙ КАДИС живет на площадях. Тут есть свой ритм. Утром Кадис сидит на пляже, вечером выходит на площадь. Что такое площадь в Кадисе? Это можно отдаленно сравнить с нашим двором 1960-х, или, если серьезно сбавить градус, с многолюдным семейственным застольем 1970-х в хрущевских квартирах. Ближе к вечеру на подходе к площади Святого Франциска уже на расстоянии ты слышишь веселое гудение людского улья. Площадь, как и другие в тесном Кадисе, крошечная – вытянутый треугольник, образованный белой стеной собора и сходящимися улицами с узенькими балконами, на каждом из которых стоит брюнетка в алом, зеленом или синем, переговариваясь с кем-то внизу.

Если повезет найти место за столиком столпившихся здесь кафе

или на скамейке, если только присядешь на минуту, то зависнешь на несколько часов в блаженном оцепенении, кружась со всеми на разноцветной дружно и беспечно гомонящей карусели из ребятишек, собак и кошек, столиков кафе с капучино и кувшинами рубиновой сангрии и сидящими за ними семейными или соседскими компаниями. Смуглые дети снуют по всей площади, занятые своими играми, девочки сбиваются в шушукающие быстроглазые и хихикающие стайки, мальчишки независимо гоняют в футбол, карапузы пыхтя карабкаются на все, на что можно взбираться, и время от времени подбегают к сидящей за кофе нарядной матроне, чтобы прикоснуться к подолу, получить поцелуй или шлепок и умчаться домучивать лениво спящего рыжего толстячка. Никто никого в этой тесноте и кутерьме умудряется не задеть, даже мальчишеский мяч каким-то чудом минует ноги и головы прохожих. Будто это какое-то многоголовое и многочисленное беспечное

существо, вроде сороконожки, которая, как известно, необъяснимым образом ступает в лад. Постепенно кажется, что ты и сам стал одной из ножек этой площади. Но это иллюзия. Ты всего-навсего турист.

КАКОЙ ЖЕ ОН, Кадис, доверчиво свернувшийся в горсти океана? Пахнущий солью, йодом, жареной рыбой, ванилью, корицей, шоколадом и сигарами, кричащий чайками, звучащий пронзительным и хрипловатым тенором Эль Канастеро и гудками круизных небоскребов в порту, пронизанный бризом и левантинцем, бредущий утрами по кромке пляжа, ждущий парусов на горизонте, зачарованно смотрящий вечерами, как в сизый туман океана уходит громадный алый диск?

Кадис, он настоящий. И это поймешь только потом, когда выйдешь на набережную в каком-нибудь курортном местечке на Коста дель Соль или Коста Брава и тебя окружит густая пляжная толпа, бесчисленные торговые ряды, предлагающие вразной самой яркие и самые новые подделки. Все за 5 евро.